

ИЗУЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИСЬМЕННОГО СУДЕБНОГО ДИСКУРСА ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ФОРМАЛЬНОЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОДХОДА

Б.Н. Аринова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Цель работы – обосновать комплексный подход к изучению лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании, описав его особенности с точки зрения профессиональной коммуникации и социальной практики. Автор проводит последовательный анализ факторов, сыгравших основополагающую роль в формировании письменного судебного дискурса – формальной структуры правового дискурса и формального содержания (источников) судебного дискурса. На основе проведенного анализа выделены основные характеристики письменного судебного дискурса англосаксонской системы и определены рамки дальнейшего изучения его лингвистических особенностей. Автор использовал методы синтеза, описания, а также сопоставительный и контекстуальный методы. Теоретическая значимость статьи состоит в развитии комплексного подхода к изучению профессионального дискурса как средства актуализации определенной социальной практики.

Ключевые слова: письменный судебный дискурс, англосаксонское право, текстологический процесс, динамичность дискурса, толкование, реконтекстуализация, жанр юридического дискурса.

Исследования в области профессионального дискурса имеют множество граней, включая риторические и стилистические особенности, терминологическое варьирование, семантику терминов, становление терминологии и т. д. Интерес к этой сфере обусловлен широким коммуникативным диапазоном, т. е. неограниченным количеством бытовых ситуаций, которые имеют потенциал для юридического дискурса (могут быть отражены в нем); также этот интерес связан со спецификой терминов как лексических единиц и их функционирования в профессиональном контексте.

В данной работе мы попытаемся раскрыть некоторые особенности судебного дискурса англосаксонской системы для того, чтобы обосновать подход к изучению лингвистических особенностей этого дискурса. Исходной характеристикой этого дискурса, по нашему мнению, является динамичность; как следствие, судебный дискурс представляет собой особый текстологический процесс, понимание которого важно для выработки комплексного подхода к изучению лингвистических особенностей этого дискурса. Нами будут рассмотрены, в частности, особенности структуры и функционирования этого дискурса, влияние этих особенностей на содержание и языковое оформление юридических текстов, а также жанровые особенности судебного дискурса. Термин «дискурс» в данном обзоре понимается как в широком, так и в узком смысле – это коммуникация как социаль-

ная практика, а также текст как один из промежуточных результатов коммуникации и процесса познания [6].

Изучение любого профессионального дискурса будет неполным без рассмотрения определенной социальной практики, которая порождает свой дискурс. Несмотря на то что правовая сфера существует в виде строгого канона, ее трудно назвать застывшей и статичной, так как данная сфера постоянно «расшатывается» ее участниками (юристами, правоведами и другими субъектами права). Так, например, в недавнем решении апелляционный суд Великобритании сделал замечание адвокатам, которые не в полной мере выполнили требования правил цитирования прецедентов [9]. Недовольство судьи было связано с тем, что адвокаты не указали конкретные параграфы в решении, на которое ссылались, вместо этого представив полный текст решения. Данный пример демонстрирует не только буквализм в процедуре, свойственный судебной практике, но и особенность юридической сферы как одной из социальных практик. Действуя в контексте уже сложившейся области знаний, судьи интерпретируют и адаптируют ранее написанные юридические тексты, специфика которых не раз обсуждалась философами, социологами, лингвистами и правоведами. Письменную форму, в которой сейчас преимущественно существует и развивается данная сфера, можно рассматривать не только как своего

рода символ закрепления власти, но и как признак «подвижности» юридического дискурса – его интерпретации, реконтекстуализации и адаптации. Такая ситуация характерна для большинства развитых правовых систем.

Как справедливо отмечает П. Бурдье, эта сфера имеет строгую организацию, все ее участники выполняют четко определенные функции. Взаимоотношения между участниками (как взаимодействие, так и противостояние) приводят к установлению стратегий поведения и норм, которые могут символизировать общее понимание события или ситуации (в определенный период времени) или попытки достичь понимания одной и той же ситуации. Судьи в данной системе, с одной стороны, транслируют значимость («являются частью ритуала») процесса, с другой – они, вынося решение, формулируют и декларируют новую значимость, придавая формальный статус действиям участников, и создают новые высказывания (*declarations*), обладающие значением и силой: «Судебное решение, в большей степени зависящее от этических диспозиций агентов, чем от чистых норм права, приобретает статус вердикта благодаря рационализации, придающей ему символическую эффективность, которой обладает всякое действие в действительности произвольное, но признанное легитимным» [2].

Обыденная реальность адаптируется в юридическом поле, которое «преобразует доюридические интересы агентов в судебные дела и превращает в капитал компетенцию, дающую контроль над юридическими ресурсами, требуемыми логикой поля» [2]. Такое описание хорошо демонстрирует не только связь обыденной реальности и сферы специальных знаний, но и объясняет также процесс коммуникативной трансформации: высказывания и описание фактов получают новое представление, языковое обрамление в контексте юридического дискурса.

Англосаксонский юридический дискурс представляет особый интерес именно потому, что в нем допускается (хоть и неочевидно) то, что в юридических терминах можно назвать *свободой усмотрения*, которая дает судьям возможность высказывать свое мнение относительно юридических вопросов; это исключает возможность полной воспроизводимости юридических правил в каждом последующем судебном решении. Когда же участники правовой системы помещают факты или ситуации в контекст ранее сложившейся практики, они таким образом получают возможность актуализировать разные аспекты одного и того же прецедента. Такая практика также демонстрирует преемственность и неразрывность дискурса англосаксонской системы права, где переплетаются не только положения законов, но и заключения судей, взятые из ранее принятых решений. С точки зрения лингвиста, такая непрерывность представляет интерес, потому что прецедент в отдельности – это

комплексный текст (исторически и концептуально), неотделимый от других текстов (схожих, но не идентичных). Сформулированное решение – это также и результат лингвистических «манипуляций», имеющий много аспектов.

Известный исследователь языка права Питер Тирсма, описывая историю языка англосаксонского права, говорит о первоначальном различии между законодательством *lex scripta* и прецедентным правом *lex non scripta*, или письменным законом и законом, не имеющим письменной формы. С развитием и совершенствованием права устная традиция приобрела более формальный письменный статус, такое изменение П. Тирсма называет текстуализацией (*textualization*) [13]. В контексте становления правовой системы этот процесс привел к тому, что прецеденты получили статус источника права. Переход к письменной форме привел к «автономизации» юридической сферы, в которой уже тексты играют роль границы между «комментаторами и реальностью». «Письмо стало предпосылкой генерализирующего комментария, в котором формируются универсальные правила или принципы» [2], иными словами, письменную форму юридических текстов можно считать символом авторитетности, результатом процесса познания и накопления знаний, дискурсом *per se*.

Такой ход развития создал дополнительное требование к участникам юридического дискурса, а именно – пристального чтения более ранних юридических текстов [13]. Как следствие, пишет П. Тирсма, меняется восприятие текстов и характер их прочтения: то, что закреплено в письменной форме, становится предписанием, т. е. практически приравнивается к закону, вследствие этого возникает обязательство цитировать его, ссылаться на него. Другой исследователь языка права, Лоуренс Солан, продолжая мысль П. Тирсмы, пишет, что примером текстуализации можно считать и письменный процесс толкования и анализа необходимых юридических текстов. Судьи могут уточнять, комментировать, анализировать определения и связанные с ними утверждения, таким образом меняя содержание, а следовательно, и значение юридических понятий и конструкций [13]. В связи с этими функциями судей П. Бурдье, описывая их «автономию», пишет о том, что «приговоры, вдохновленные той же логикой и ценностями, что и толкуемые ими тексты, имеют функцию настоящего изобретения» [2].

Другими словами, прецедент как один из основных письменных правовых текстов имеет двойственную природу – это текст и текстологический процесс одновременно. Интересно, что в юридическом пространстве последний (т. е. процесс) проявляется в двух лингвистических операциях: «interpretation» и «construction». Обе лексемы переводятся на русский язык как «толкование», однако многие исследователи языка права настаивают на концептуальном различии, несмотря на

синонимичность этих лексем и один и тот же переводческий эквивалент в русском языке. Если первое подразумевает установление смысла, то второе относится к суждению о значении, которое можно вывести не только из текста, но и из элементов вне его [13]. Однако для участников юридического поля толкование как процесс имеет мало общего с речью и коммуникацией. Известные юристы Р. Дворкин, А. Скалия настаивают на том, что процесс юридического толкования представляет собой довольно ограниченную сферу судейской работы – такая работа прежде всего проводится органами законодательной власти. Другие хотя и допускают, что роль лингвистических принципов анализа в процессе толкования немаленькая, подчеркивают, что толкование имеет максимально абстрактный характер [10]. Для участников юридического поля это не более чем техническое требование, выполнение которого гарантирует существование системы юридического дискурса. С другой стороны, это и часть процесса систематизации знаний об этой сфере. В теории научного познания «процесс понятийного определения конкретного содержания происходит одновременно с процессом его фиксации каким-либо характерным знаком» и «через языковой символ прежде всего осуществляется идентификация и конкретизация предметов или явлений внеязыковой действительности [...]». Экономная форма конвенционального языкового знака выступает как средство их объективизации» [3]. Большую роль в процессе понятийного определения языка играет абстрагирующая способность языка, которая находит отражение в терминологиях. Иными словами, внутри профессионального дискурса его элементы проходят время от времени проверку и перепроверку в зависимости от рассматриваемых фактов и соответствующих норм права.

П. Бурдье, говоря о формировании дискурса в профессиональной сфере, видит в этом объяснение стремления к обособлению и закрытости юридического дискурса. Термины и особенности синтаксиса, по его мнению, служат знаками отличия и в то же время символизируют средства актуализации, то есть они необходимы участникам, если они должны совершать определенные действия в рамках юридического поля.

Двойственная природа юридического дискурса проявляется в том, что единицам языка, которые становятся терминами, присваивается новое осмысление и, следовательно, «ценность», что приводит к «отрицанию», «отказу» от первоначального значения этой единицы языка. Становление терминологии не только приводит в порядок систему, но и «скрадывает» некоторые смыслы и элементы вследствие необходимости соблюдать требования формы и жанра. «The role of this kind of expression is to mask the primitive experiences of the social world and the social phantasms which are its source as much as to reveal them; to allow them to

speak, while using a mode of expression which suggests that they are not being said» [8]. Дискурс и все, что с ним связано, – это способ одновременно скрыть и выразить, однако создатели дискурса не обладают полной свободой выражения из-за требований формы. Обыденная реальность имеет специфическую репрезентацию, не может оставаться обыденной. Она помещается в рамки и проходит процессы дробления, толкования и номинации.

В связи с этим можно привести пример из налогового права Великобритании: существует тонкая грань между понятиями об уклонении от уплаты налогов и налоговой оптимизацией (tax evasion and tax avoidance соответственно), и трудности, с которыми сталкиваются судьи и налогоплательщики, связаны, с одной стороны, с широким спектром действий и решений, которые могут быть включены в содержание этих понятий, а с другой стороны, с необходимостью четко определять сами действия налогоплательщика, их реальные и возможные последствия (например, незаконное снижение налоговой нагрузки) и соотносить с ними то, что было установлено волей законодателя. Это пример того, когда правовой дискурс (нормы налогового права) очень опосредованно отражает реальность, скорее реальные действия получают новую репрезентацию и оценку в зависимости от наступивших последствий. В случае разбирательства по налоговым вопросам судьи выполняют двойную задачу – выносят суждение о воле, интенции законодателя (толкование норм) и об истинных интенциях налогоплательщика (в соответствии с положениями закона и судебной практикой).

«Право – наивысшая форма активного дискурса, обладающего властью вызывать реальные последствия», – пишет П. Бурдье [2].

Подытоживая этот раздел, нужно еще раз отметить, что юридический дискурс понимается нами как социальное явление, внутри которого сформировалась очень специфическая коммуникативная практика, преимущественно отраженная в письменных текстах. Несмотря на жесткие требования к форме, дискурс как отражение обыденной реальности дает новую репрезентацию событию или действию, помещая то или иное событие в систему уже сформировавшихся знаний и канонов. Судебный дискурс – это всегда последовательность текстов, в которых могут повторяться события, но могут различаться их репрезентация и трактовка в законодательстве и, следовательно, их судебное толкование. Судебное решение – по сути высказывание, это особый жанр юридического дискурса.

Рассмотрим подробнее жанр как элемент дискурса.

Принимая во внимание то, что юридический дискурс – довольно обширное поле, его участники со временем конструируют жанры с характерными риторическими установками [4], сменяющие друг

друга в зависимости от речевой ситуации. В жанр, как правило, объединяются высказывания, тексты, имеющие общие коммуникативные цели, риторические установки, форму, участников [6]. В. Батиа также указывает на невозможность полного обособления одного отдельного жанра ввиду того, что даже в рамках одного и того же жанра участники коммуникации могут переключиться на другой жанр, изменить коммуникативное намерение и т. д. Вероятность таких изменений более высока в условиях устной коммуникации, тогда как письменные тексты будут скорее подчиняться строгим формальным требованиям, тем самым создавая эффект нейтрализации и универсализации, о которых пишет П. Бурдые. Юридический язык опирается на ряд лингвистических приемов (безличные обороты, устойчивые обороты, неопределенные местоимения), которые «призваны выразить вневременной и всеобщий характер закона» [2].

Однако большая часть ученых (Berkenkotter, Huckin, Swales, Candlin) соглашается с тем, что жанрам присуща динамика; в связи с этим В. Батиа использует термин «genre colony», обозначающий определенный набор жанров со схожими (не в полном объеме) коммуникативными функциями и общим риторическим посылом или «речевым замыслом» [1]. Другими словами, «речевой замысел» и общие коммуникативные функции являются основаниями для выделения групп жанров («genre colonies»). В связи с этим в одну группу жанров можно объединить ходатайство, иск, уведомление и возражение.

В статье М.М. Бахтина проблема жанровой классификации представлена в контексте общей лингвистики, т. е. в контексте изучения таких явлений, как речь, функциональный стиль, единица речи и т. п. М.М. Бахтин уходит от более локального понятия «жанр», помещая это явление в контекст парадигмы «язык – речь» [1]. Такая постановка вопроса заведомо ставит проблему в определенный континуум, в определенное социальное поле и процесс познания и деятельности. Так, К. Беркенкоттер (С. Berkenkotter) и Т. Хакин в то же время пишут о том, что жанры – это двойственные структуры: «Это одновременно и внешнее проявление и отрефлексированный опыт субъекта, оба находятся в тесной взаимосвязи» [7]. Таким образом, субъекты не только выбирают соответствующие стратегии речи и поведения, но и сами воспроизводят ту или иную ситуацию в новом виде, избегая буквального повторения или копирования. На основе вышесказанного можно предположить, что жанр – это репрезентация опыта; результат когнитивной деятельности, выраженный вербально.

Что это значит для юридического дискурса и судебного дискурса в частности? С одной стороны, жанр – это столкновение обыденного опыта и профессионального, в жанрах доминирует форма, она подчиняет себе содержание. С другой сторо-

ны, жанр – это тип высказывания с определенной коммуникативной задачей; при этом несколько жанров могут иметь разные коммуникативные задачи, но будут объединены одним и тем же событием. В качестве примера можно привести различные юридические документы, относящиеся к одному и тому же юридическому спору.

Принимая судебное решение и связанный с ним жанр судебного отчета за высказывание с комплексной структурой, нельзя не остановиться на логико-семантических особенностях синтаксиса судебного дискурса. Тот факт, что каждый новый текст этого жанра всегда соотносится с предыдущими текстами, накладывает значительный отпечаток на синтаксис судебных решений – в основном это сложные предложения, смысл которых создается с помощью определенного набора грамматических конструкций и, безусловно, специальной лексики. Большую роль в осмыслении лингвистических особенностей судебного дискурса играет контекст, образуемый ссылками на источники права, и в частности выстраивание логической последовательности, которая становится основой прецедента. В то же время, поскольку в прецедентах обсуждаются как факты, так и их трактовка в законодательстве, мы не можем свести описание языка прецедентного права к набору абстрактных логических суждений [13]. Другими словами, осмысление текстов судебных решений может включать в себя различные подходы.

Как отмечалось выше, П. Бурдые считал, что специфика грамматики и синтаксиса юридического дискурса имеет особый символический эффект «нейтрализации» (преобладание пассивных конструкций и безличных оборотов) и «универсализации» (применение лапидарных формул и устойчивых выражений, ссылка на транссубъективные ценности). Оба эффекта необходимы для осуществления рационализации или поддержания «юридического духа» [2]. Сложный синтаксис – это, безусловно, анахронизм многовековой традиции юридического письма. Тем не менее эта особенность создает эффект *рекурсивности*, который заключается в выстраивании сложной цепочки событий (прошлых, настоящих и возможных) в одном предложении. Данный эффект может быть явно выраженным: как известно, в традиции юридического дискурса существует строгая и логичная система цитирования (The Bluebook: a uniform system of citation). Это, с одной стороны, подтверждает точность вывода судьи; с другой стороны, это своего рода гарантия четкой систематизации юридических текстов в контексте судебных решений. В приведенном далее примере эффект рекурсивности достигается с помощью грамматико-синтаксических средств, которые отсылают читателя к прошлому решению («The authorities show that...»), и в то же время эти средства создают определенную рамку, через которую оцениваются факты анализируемого дела (придаточное с услов-

но-следственными отношениями), то есть событие рассматривается в двух планах – планах прошедшего и ирреального настоящего.

*«The authorities showed clearly that, if before the claimant had learnt that **his venture** with the defendant could not be carried out because none of the expected insider information would be forthcoming, he had repudiated and withdrawn from **the agreement**, he would have been entitled to sue for and recover his £620,000 even though in order to do so he would have had to plead **the illegal arrangement** under which he had paid it over» [12].*

С точки зрения синтаксического оформления данный отрывок имеет комплексную структуру: это сложноподчиненное предложение с большим количеством придаточных – придаточным условия («if before...»), придаточным дополнения («showed that...»), придаточным причины («because ...»), придаточным цели («in order to do so ...»). Другими словами, сложный синтаксис позволяет поиному вербализовать саму анализируемую ситуацию, что может привести к лексическому варьированию разной степени. В рассматриваемом примере описание ситуации позволило продемонстрировать возможности сочетаемости юридических терминов. В приведенном выше примере приводятся базовые сочетания термина *agreement* (*to carry out / to repudiate / to withdraw from / to plead ... illegal*). Сложные синтаксические конструкции – это также один из способов расширять терминологическое поле в тексте, которое описывает основные юридические понятия. Эта особенность синтаксиса судебного дискурса напрямую соотносится с теорией логико-семантической референции, в рамках которой методом «семантического анализа является толкование лексических единиц и синтаксических конструкций с разной степенью сложности» [5]. Учитывая социальные и функциональные особенности юридического дискурса (обособленность сферы и специфика знаний), можно предположить, что в построении смысла юридических текстов и решений суда в частности большую роль играют презумпции и следствия. Также стоит отметить, что значительная часть презумпций содержится в терминах и специальной лексике, но для полного осмысления текстов судебных решений недостаточно знать значения терминов, так как они представляют собой лишь часть смысла всего высказывания. Анализ презумпций и следствий высказываний заставляет обратиться к истинности и ложности суждений как смысловых компонентов предложений, а также возможно допущение аномалий, когда осмысление происходит за счет разрушения нормальной ситуации [5]. Другими словами, осмысление всего текста зависит как от понимания значения терминов, так и от понимания соотношения эксплицитной и имплицитной информации. Рассмотрим следующий пример из устава компании:

«The company may from time to time by ordinary resolution increase the share capital by such sum, to be divided into shares of such amount as the resolution shall prescribe». (Section H. Alteration of capital)

На первый взгляд это бесхитрое с точки зрения структуры, длины, ключевых понятий предложение вызывает много трудностей при осмыслении и попытке перевода. В данном случае подразумеваемая часть смысла данного утверждения относится к взаимосвязи между полномочиями акционеров, правилами выпуска акций, их номинальной стоимостью, правилами увеличения уставного капитала и соответствующими решениями компании и устава. Несмотря на относительно высокую прозрачность терминов, осмысление данного высказывания зависит от понимания *многоуровневых* понятийных связей между терминами, полный смысл которых остается нераскрытым как в оригинальной версии, так и в переводе.

Перевод: *«Общество может в любое время путем решения, принятого простым большинством голосов акционеров, увеличить уставный капитал на такую сумму, представляющую собой совокупность такого количества акций, как будет определено в решении.» (Раздел H. Изменение размера капитала)*

В других случаях осмысление высказывания зависит не от понимания терминов, а от их окружения и фактивного компонента высказывания. Как отмечал Виконт Симмондс в деле *Attorney general v. Prince Ernest Augustus of Hanover* (1957), «слова и, особенно, общеупотребительные слова нельзя рассматривать по отдельности, свои оттенки и содержание они получают в контексте», из чего можно заключить, что точное определение контекста является важным элементом процесса толкования.

Так как толкованию подлежит не только текст закона, но и факты, буквальное толкование не всегда приводит к разумному – с точки зрения здравого смысла – решению споров. К примеру, в деле *Ruther v Harris* (1876) [11] возник вопрос об изъятии (*forfeiture*) морских сетей рыбаков, которые собирались ловить рыбу, несмотря на то, что в то время действовал закон, запрещающий ловлю лосося с использованием сетей. После ареста рыбаков были также конфискованы их сети, так как закон предписывал «изъять рыбу... и сети... использовавшиеся для целей...» («all fish taken... and any net... used... in taking the same...»). Однако в ходе разбирательства возник вопрос, можно ли было конфисковать сети, если рыбаки лишь собирались заняться ловлей. В своем решении суд признал, что текст закона был довольно неопределенным и, возможно, замена местоимения *any* на определенный артикль *the* внесла бы большую ясность. В данном примере, с одной стороны, действие, подразумеваемое в содержании термина *forfeiture*, могло наступить (или не наступить) в

зависимости от намерений участников (фактивный компонент); с другой стороны, потребовалось уточнение формулировки закона, чтобы избежать аналогичных дилемм в похожих делах. Репрезентация и роль терминов в тексте решений лишены однообразия. Являясь элементами юридического (судебного) дискурса, термины не просто передают специальные знания, но и участвуют в формировании целых суждений. Термины могут быть как объектами исследования для судей, так и средствами построения сложных по структуре суждений.

Изучение и осмысление судебного дискурса будет всегда выходить за рамки анализируемого текста в силу специфики юридического поля, особенностей специальной лексики и необходимости соотносить явления обыденной реальности и ее репрезентации в судебном дискурсе. Последнее особенно интересно проявляется в текстах судебных решений и отчетов. Как уже отмечалось прецедентное право называют текстологическим процессом, поэтому нам представляется целесообразным диахронический анализ судебного дискурса (на примере судебных отчетов, относящихся к одному и тому же прецеденту). Такой подход поможет выявить особенности процесса реконтекстуализации в юридическом поле, установить закономерности лексико-синтаксической репрезентации фактов и ситуаций в юридическом контексте, проанализировать процессы номинации и референции и их изменчивость (динамику) в зависимости от уровня решения (инстанции), а также проанализировать терминологическое варьирование при юридической «интерпретации» фактов рассматриваемого дела.

Литература

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986.

2. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. – М.: Инст. экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

3. Володина, М.Н. Когнитивно-информационная природа термина / М.Н. Володина. – М.: МГУ, 2000.

4. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М.: URSS, 2012.

5. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью / Е.В. Падучева. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

6. Bhatia Vijai. *Worlds of written discourse. A genre based view.* – NY.: Continuum, 2004.

7. Berkenkotter, C. *Genre knowledge in disciplinary communication: Cognition/culture/power* / C. Berkenkotter, T.N. Huckin. – Lawrence Erlbaum Associates, 1995.

8. Bourdieu, P. *Language and symbolic power* / P. Bourdieu. – Harvard University Press, 1994.

9. *Citation of authorities: ignore the practice direction at your peril.* – 2019. – <https://www.iclr.co.uk/blog/legal-profession/citation-of-authorities-ignore-the-practice-direction-at-your-peril/>

10. *Language and Law* / Ed. M. Freeman FBA. – Oxford University Press, 2013. – Vol. 15.

11. McLeod, Ian. *Legal Method* / Ian McLeod. – 7th edition. – Palgrave MacMillan, 2009.

12. *Right to recover money on failure of illegal scheme.* – 2014. – <https://www.thetimes.co.uk/article/right-to-recover-money-on-failure-of-illegal-scheme-lcbhj835svm>

13. *Speaking of language and law* / Ed. L. Solan. – Oxford University Press, 2015.

Аринова Байрта Николаевна, соискатель кафедры английского языкознания Филологического факультета, старший преподаватель кафедры иностранных языков Юридического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), b.arinova@yandex.ru

Поступила в редакцию 16 марта 2020 г.

DOI: 10.14529/ling200310

LINGUISTIC ASPECTS OF THE UK WRITTEN JUDICIAL DISCOURSE: REFRAMED APPROACH, FORMAL AND SUBSTANTIVE JUSTIFICATION

B.N. Arinova, b.arinova@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

The aim of the article is to present a comprehensive approach to the study of linguistic aspects of the UK written judicial discourse. The suggested approach derives from a set of characteristics inherent in professional legal communication and law as a social field. The author gives a consistent analysis

of the major factors which scaffold judicial discourse as a whole (i.e. the formal structure of the legal discourse and the formal content (textual sources) of judicial discourse) and, based on that, singles out the main characteristics of judicial legal discourse. The author then outlines the main facets of the comprehensive analysis of the UK written judicial discourse. The methods employed by the author include the method of contextual analysis, synthesis, description and comparative analysis. The theoretical significance of the article lies in the development of the comprehensive approach to the linguistic analysis of professional discourses which serve to shape certain social fields.

Keywords: written judicial discourse, Anglo-Saxon law, textualization, dynamic discourse, interpretation, recontextualization, genre of legal discourse.

References

1. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetic of the Word]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986.
2. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social sphere: fields and practices]. Moscow, Institut eksperimentalnoi sotsiologii; St. Petersburg, Aletya Publ., 2005.
3. Volodina M.N. *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina* [Cognitive and Informative Nature of Terms]. Moscow, MGU, 2000.
4. Koubryakova E.S. *Nominativnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti* [Nomination and speech]. Moscow, URSS, 2012.
5. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu* [Utterance and its Objective Representation]. Moscow, LKI, 2010.
6. Bhatia Vijai. *Worlds of written discourse. A genre based view*. New York, Continuum, 2004.
7. Berkenkotter Carol, Huckin Thomas N. *Genre Knowledge in Disciplinary Communication: Cognition/Culture/Power*. Lawrence Erlbaum Associates, 1995.
8. Bourdieu Pierre. *Language and Symbolic Power*. Harvard University Press, 1994.
9. Citation of Authorities: Ignore the Practice Direction at your Peril. 2019. <https://www.iclr.co.uk/blog/legal-profession/citation-of-authorities-ignore-the-practice-direction-at-your-peril/>
10. *Language and Law*. Vol. 15. Ed. M. Freeman FBA. Oxford University Press, 2013.
11. McLeod Ian. *Legal Method* 7th edition. Palgrave Macmillan, 2009.
12. Right to Recover Money on Failure of Illegal Scheme. 2014. <https://www.thetimes.co.uk/article/right-to-recover-money-on-failure-of-illegal-scheme-lcbhj835svm>
13. *Speaking of language and law*. Ed. L.Solan. Oxford University Press, 2015.

Bayrta N. Arinova, applicant of the English Language Chair, Philological Faculty, senior lecture of the Foreign Languages Department, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow), b.arinova@yandex.ru

Received 16 March 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Аринова, Б.Н. Изучение лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании: формальное и содержательное обоснование подхода / Б.Н. Аринова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2020. – Т. 17, № 3. – С. 58–64. DOI: 10.14529/ling200310

FOR CITATION

Arinova B.N. Linguistic Aspects of the UK Written Judicial Discourse: Reframed Approach, Formal and Substantive Justification. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2020, vol. 17, no. 3, pp. 58–64. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling200310
